

Вернувшись в Шэнцзин, Тан Шэнь не сразу отправился во Дворец Циньчжэн, чтобы приступить к служебным обязанностям. Он уезжал в Ючжоу для инспектирования Приказа серебряных ассигнаций и пробыл там целых четыре месяца. Сейчас стоял июнь, в Шэнцзине царила неносная жара, и Тан Шэню надлежало сначала отчитаться о проделанной работе в Приказе чинов и пройти несколько этапов проверки, прежде чем появиться во Дворце Циньчжэн. Находясь в Ючжоу, Ван Чжэнь как-то сказал ему, что Шэнцзин изменился, и Тан Шэню следует «сменить наряды», не ведя себя как прежде. Однако за несколько дней после возвращения Тан Шэнь не заметил никаких перемен. Город Шэнцзин оставался столь же шумным и процветающим; на улице Цяньмэнь, берущей начало на западе от Великого канала, бурлил людской поток. Тан Шэнь даже выкроил время, чтобы навеститься в Павильон Байбао — эдакая проверка инкогнито. Наплыв покупателей в Павильоне Байбао постепенно стабилизировался: каждый день тысячи жителей Шэнцзина приходили туда за покупками. В то же время Тан Хуан наладила новое направление — изготовление товаров на заказ.

С прошлого года Павильон Байбао начал продавать стеклянные зеркала. Они отражали человека без малейшего искажения и стоили дешевле серебряных, мгновенно завоевав любовь знати и богатых семей Шэнцзина. Однако зеркала не были главным роскошным товаром Павильона. В свое время, когда Тан Шэнь только открывал заведение, он получил приказ от Чжао Фу: заменить все окна в императорском дворце на стеклянные.

Разумеется, император не стал наживаться на Тан Шэне и выплатил всю полагающуюся плату. Но поручение оказалось крайне трудоемким: Павильон Байбао трудился полгода, прежде чем завершил дело. Зато с тех пор прозрачные и чистые стеклянные окна дворца превратились в лучшую живую рекламу. Кто из знати и сановников, вступая во дворец, мог не заметить безупречно чистых стеклянных окон? Окна выглядели настолько изысканно, что влиятельные придворные тут же разузнали, чьих это рук дело, и направили людей в Павильон Байбао с заказами на такие же окна. В короткий срок среди высших чиновников от второго ранга и выше — за исключением Левого канцлера Цзи Вэнцзи, который происходил из бедной семьи и отличался кристальной честностью, — не осталось никого, кто не пожелал бы сделать заказ. Это был колоссальный заказ, которого Тан Хуан и Яо Саню хватило бы на целый год работы!

Спустя два дня после того, как Тан Шэнь отчитался в Приказе чинов, Чжао Фу все еще не вызвал его во дворец, а между тем произошло крупное событие.

Инспектирующий цензор Цензората Гао Мин подал императору докладную записку. В своем послании цензор Гао перечислил семнадцать преступлений, предъявив обвинения Главе Астрономического приказа Ли Сяорэню, а также нескольким его ученикам и последователям. На утреннем приеме цензор Гао Мин резко раскритиковал бесчинства и самоуправство этих даосов на их малой родине, где они ни во что не ставили человеческие жизни, и призвал императора восстановить справедливость и искоренить подлецов.

Глава Астрономического приказа Ли Сяорэнь, чиновник четвертого ранга, в тот момент тоже находился во Дворце Цычэнь. От страха у него подогнулись колени, и он едва не пал ниц. Однако сановники Великой Сун не были обязаны преклонять колени перед императором, поэтому Ли Сяорэнь, дрожа всем телом, со слезами и стенаниями стал божиться, будто ни о чем подобном не слышал и понятия не имел, что его ученики творили столь ужасные злодеяния.

В сущности, дело было незначительным: цензор Гао обвинял в основном учеников Ли Сяорэня, а не самого Главу. Хотя Гао Мин всей душой жаждал свергнуть этого льстивого лжедаоса, прямой улики против Ли Сяорэня у него не было. Пришлось действовать через его учеников, чтобы вменить Ли Сяорэню лишь ненадлежащий надзор за воспитанниками.

Чжао Фу с мрачным видом долго слушал их перепалку, а затем тихо кашлянул, заставив всех чиновников поднять на него взоры.

Сидя на тронном возвышении, Император Кайпин Чжао Фу задумчиво произнес:

— Глава Астрономического приказа, правду ли говорят?

Лицевые мышцы Ли Сяорэня задрожали, он сделал шаг вперед:

— Вашему слуге ничего не было известно, однако если это правда, ваш слуга ни за что не станет попустительствовать злодеям.

Чжао Фу обратился к Гао Мину:

— Гао, драгоценный мой подданный, у тебя, похоже, имеются неопровержимые доказательства. Как, по-твоему, следует поступить?

Гао Мин страстно желал, чтобы Чжао Фу наказал Ли Сяорэня, но по тону государя понял, что тот не намерен трогать самого Главу. Гао Мину оставалось лишь ответить:

— Ваш слуга полагается на волю Вашего Величества.

Чжао Фу взмахнул рукой:

— В таком случае повелеваю Судебному приказу выяснить правду. Поступите так, как надлежит по закону.

Казалось бы, дело житейское: Чжао Фу всего лишь лишил Ли Сяорэня жалования на три месяца и отправил его домой размышлять над своим поведением. Однако никто не мог предугадать, что после этого дня Чжао Фу неожиданно призвал из Храма Динго монаха. Монаха звали Шаньтин; ему едва исполнилось сорок лет, но в Храме Динго он уже считался прославленным настоятелем-духовником и, по слухам, метил на пост следующего настоятеля.

Чжао Фу никогда не верил в буддизм, отдавая предпочтение даосизму: Ли Сяорэнь зажигал для него неугасимые лампы и выпекал пилюли бессмертия. И вдруг ни с того ни с сего император увлекся буддизмом.

Обычные люди выбирают что-то одно — буддизм или даосизм, но Чжао Фу оказался иным: он уверовал в оба учения сразу.

Монаха Шаньтина привезли во дворец, чтобы он наставлял государя на путь истинный. Но, к общему изумлению, он начал помогать императору изготавливать пилюли. За деньги и черт заплашет: хотя буддийские монахи отродясь не прикасались к даосским снадобьям, заказчиком выступал сам император. Что владыка повелит, то монах и сделает. В результате монах Шаньтин на пару с Ли Сяорэнем занялся алхимией, обучая Чжао Фу искусству долголетия.

Чжао Фу по-прежнему ежедневно проводил утренние аудиенции, не пропуская ни одной, однако его характер становился все более непредсказуемым.

В один из дней Ван Чжэня вызвали на Террасу Восхождения к Бессмертным. Он увидел Чжао Фу, восседавшего в самом центре зала в окружении трех бронзовых алхимических печей. Император снял пышные и роскошные власяницы и облачился в легкое даосское одеяние. В

печах бушевал огонь, из открытых стеклянных окон доносился прохладный ветерок, колыхавший пламя неугасимых лампы перед Чжао Фу. В этом свете он казался еще более похожим на исхудавшего даосского отшельника.

Ван Чжэнь молча стоял подле него, дожидаясь, пока Чжао Фу завершит свои даосские практики.

Однако на сей раз, окончив медитацию, Чжао Фу не удалился во внутренний дворец. Взяв веер из пальмовых листьев, он лично подошел к печам, раздувая пламя. Подняв руку, император подозвал Ван Чжэня и, указав на одну из печей, спросил:

— Цзыфэн, знаешь ли ты, что плавится в этом треножнике?

Голос Ван Чжэня звучал чисто и мягко:

— Вашему слуге не ведомо. Прошу Его Величество поведать об этом.

Чжао Фу усмехнулся:

— Это пилюли девятикратного превращения, что выплавляет для Меня Шаньтин. Принимая по одной в день, Я чувствую невероятную бодрость и свежесть сил, словно помолодел на десять лет. Не желаешь опробовать, Цзыфэн?

Ван Чжэнь поднял голову, изобразив на лице глубокое изумление:

— Ваш слуга безмерно восхищен столь великой милостью.

Чжао Фу пристально посмотрел на него и покачал головой:

— Эх, эта волшебная пилюля — всего одна на день, Мне жалко отдавать ее тебе. — Помолчав, Чжао Фу добавил: — Я вспомнил нашу первую встречу. Это было двенадцать лет назад, верно? Ты вместе с Юй Чаошэном стоял во Дворце Цычэнь. Я назвал его вторым лауреатом, а тебя — первым. Подумать только, как давно это было. За тридцать один год Своего правления Я видел десять первых лауреатов, но лишь тебе пожаловал начертанные Мною слова «Непревзойденный чжуаньюань». Знаешь ли ты, почему?

Пальцы Ван Чжэня слегка дрогнули, но он невозмутимо ответил:

— Ваш слуга не знает.

— А потому, что, глядя на таких молодых и полных сил людей, как вы, Я и сам словно становлюсь моложе!

На следующий день Чжао Фу призвал к себе Тан Шэня. Прием состоялся не на Террасе Восхождения к Бессмертным, а во Дворце Чуйгун.

Облачившись в новенькое чиновничье одеяние, Тан Шэнь вслед за молодым евнухом вошел в зал. Он шел с опущенной головой, размышляя над словами, сказанными ему прошлым вечером Ван Чжэнем. В этот момент раздался добродушный смех:

— Цзинцзэ, съездил в Ючжоу — и отчего-то стал таким робким? Подними голову и взгляни на Меня.

— Слушаюсь.

Тан Шэнь поднял взор и в то же мгновение, едва взглянув на Чжао Фу, замер в оцепенении. Но он овладел собой настолько быстро, что никто не заметил его замешательства, и лицо его вновь приняло обычное выражение.

В сияющем и величественном Дворце Чуйгун Чжао Фу восседал на троне. На его губах застыла все та же загадочная улыбка, но он постарел! словно за одну ночь его подстерегла глубокая седина, побелившая виски. Впрочем, в возрасте Чжао Фу седые волосы не были диковинкой. Однако больше всего Тан Шэня поразило то, что из глаз императора внезапно исчезла прежняя жизненная сила.

Прежде Чжао Фу всегда был полон энергии. Казалось, он считал себя молодым и ни на миг не задумывался о старости. Именно поэтому он приказал построить три тракта и учредил Приказ серебряных ассигнаций. Он верил, что способен совершить еще немало великих дел. Но внезапно на него обрушилась настоящая, соответствующая его годам дряхлость.

Тан Шэнь вспомнил, как Ван Чжэнь нанес ему полуночный визит и специально предупредил: с Чжао Фу стало и легче, и вместе с тем гораздо труднее ладить. Тогда Тан Шэнь не понял, что тот имел в виду. В вопросах, где один шаг отделяет жизнь от смерти — ведь служба государю похожа на соседство с тигром, — Ван Чжэнь явно не стал бы говорить загадками. Но когда Тан Шэнь спросил напрямую, Ван Чжэнь лишь помолчал и ответил: «Младший соученик сам все поймет, когда увидит его».

Лишь увидав Чжао Фу своими глазами, Тан Шэнь осознал: такое не передать словами.

Что же так изменило Чжао Фу?

Сколько Тан Шэнь ни ломал голову, единственной причиной казалась кончина Вдовствующей императрицы. Уход матери стал для государя тяжелым ударом, отчего он и впал в уныние.

<http://bllate.org/book/18292/1757406>